

«ТВОРЕЦ СВОЕЙ ОСОБЕННОЙ ПОЭЗИИ...»

Поэзия, осмелюсь сказать,
требует всего человека.

К. Н. Батюшков. Нечто
о поэте и поэзии (1815)

Весной 1817 года, обращаясь к известному стихотворцу В. Л. Пушкину, дяде великого поэта, Константин Николаевич Батюшков с грустью писал: «Ваши внуки не отыщут моего имени в лексиконе славы. Много писал, а теперь, рассматривая старые бумаги, вижу, что написал мало путного. Что в рифмах, если в них мало счастливых, и что в счастливых стихах без счастья!..» Батюшков готовил в это время к изданию первое собрание сочинений «Опыты в стихах и прозе». Имя его было уже знакомо любителям поэзии по отдельным стихотворениям, появляющимся в печати. Но по-настоящему поэзию Батюшкова ценили только «записные словесники». «Какую жизнь я вел для стихов? — исповедуется поэт в письме В. А. Жуковскому. — Три войны, все на коне и в мире на большой дороге. Спрашиваю себя: в такой бурной, непостоянной жизни можно ли написать что-нибудь совершенное?» Сомнения в значительности своего таланта не покидали его.

Батюшков был убежден, что может «служить примером неудачи во всем». Склонный к иронии и трезвому анализу, поэт как-то дал себе исчерпывающую характеристику: «мал ростом, не довольно дороден, слишком снисходителен, ничего не знаю с корня, а одни вершки, даже в поэзии, хотя целый век бледнею над рифмами, не чиновен, не знатен, не богат, не женат...» В самом деле, чем не портрет неудачника?

В одном из своих стихотворений Батюшков высказал мысль, что душа поэта формируется под воздействием «первых впечатлений». Первые жизненные впечатления Батюшкова не были радостными. Ребенком он почти не знал материнской ласки. Мать его, страдавшая психическим заболеванием, умерла, когда сыну не исполнилось и восьми лет. Несомненно, поэт выражал и собст-

венные чувства, вкладывая в уста своего героя слова:

Отторжен был судьбой от матери моей,

От сладостных объятий и лобзаний,—

Ты помнишь, сколько слез младенцем пролил я!

«Умиравший Тасс»

Род, к которому принадлежал Батюшков, был старинный, но не богатый. Николай Львович, отец поэта, из-за косвенного причастия к заговору против Екатерины II находился в опале. Дела его были расстроены. Но в родовом имении, в сельце Даниловском Вологодской губернии, имелась прекрасная библиотека, особенно французских авторов. С детских лет будущий поэт приохотился к чтению. Четырнадцатилетним мальчиком в письме к отцу он просит прислать ему в пансион, где тогда обучался, Сумарокова, Ломоносова, Вольтера, робко предлагает «любезному папеньке» продать обещанный в качестве подарка «телескоп», чтобы на вырученные деньги купить «нужные книги». Николай Львович дал сыну хорошее по тем временам образование, но средств к обеспеченному существованию предоставить не мог. «Сижу на нулях», «ни гроша нет», «могу умереть с голоду» — обычные жалобы поэта в письмах. Постоянное безденежье заставляло Батюшкова влачить ненавистное ему «свинцовое ярмо» «ничтожных должностей». Он служил письмоводителем в канцелярии министерства народного просвещения. Поэт полупрезрительно называл эту должность «расставчик кавык и строчных препинаний». Почетно именовался помощником хранителя манускриптов при Императорской публичной библиотеке, а на самом деле был рядовым библиотечным служащим. Только в 1818 году Батюшков как будто бы достиг того, о чем долго мечтал: он был зачислен секретарем русской дипломатической миссии в Неаполе. Однако дипломатическая служба принесла ему одни только огорчения. «Сочинитель» Батюшков использовался в качестве простого канцеляриста, которому начальство выговаривало за неправильный перевод латинской фразы и за странную склонность к рассуждениям. Просить и кланяться он не хотел, угодливость «челяди, ханжей и подъячных» ему была противна. «Служил и буду служить, как умею,— писал поэт,— выслуживаться не стану по примеру прочих». Не уди-

вительно, что Батюшкова обходили чинами и наградами. Да он и не особенно стремился к ним, зная, что это не сделает его счастливым. Нет, не везло поэту «в мире на большой дороге».

Иным было отношение Батюшкова к военной службе. Думы о пользе и славе отечества побудили его вступить в армию. «...Был некогда солдатом,— рассказывал поэт,— хотя и весьма миролюбивым... нюхал порох, хотя и не геройским носом». Вспоминая сражение под Индессальми, в котором отличился его друг И. А. Петин, «любимец бога брани», Батюшков весьма скромно определяет свои «заслуги» в этом деле:

Между тем как ты штыками
Шведов за лес провожал,
Я геройскими руками...
Ужин вам приготовлял.
«К Петину»

Поэт, как обычно, подшучивал над собой. Он был храбрым офицером. В битве под Гейльсбергом, в Пруссии, Батюшков был ранен в ногу, полумертвого его извлекли из груди раненых и убитых товарищей. Рана была тяжела, и поэт даже «боялся умереть не в родине своей». Но через год он уже снова на коне. Батюшков трижды оставлял перо и становился воином, когда России угрожала опасность, когда было «стыдно сиднем сидеть над книгою». Он участник войны с Наполеоном 1807 года, шведской кампании 1808—1809 годов. В составе русской армии, разгромившей Наполеона, Батюшков совершает заграничный поход и в 1814 году, «покрытый пылью и кровью», вступает в побежденный Париж.

Однако ни штатская служба с ее печальной необходимостью для Батюшкова, ни военная служба, о которой он вспоминал с гордостью, не были главным делом его жизни. «Надобно,— заносит поэт в записную книжку,— чтобы в душе моей никогда не погасала прекрасная страсть к прекрасному». Поэзия была его истинным назначением.

Он видел, что в обществе ценились только «деятельные люди», те, кто «строил мельницы, пивоварни, продавал, обманывал и исповедовал». Занятие же поэзией считалось делом малопочетным и уж во всяком случае

не прибыльным. «Таков железный век»,— горестно заключает Батюшков в одном из стихотворений. Его возмущали всеобщий «холод и к дарованию и к уму», уравнение поэта — «сына Фебова» с «сыном откушника». Гордая позиция Батюшкова («независимость предпочитаю всему») становится источником его конфликта с обществом, не ослабевающего с годами.

Остро переживаемый разлад с действительностью порождал в поэте ощущение «какой-то ни к чему непривязанности». В многолюдном городе он испытывал приступы одиночества, желание «уничтожиться, уменьшиться, сделаться атомом». «Москва есть море для меня,— жалуется поэт своему другу Н. И. Гнедичу,— ни одного дома, ни одного угла, где бы я мог отвести душу душой». «Во спасение души, тела и кармана» Батюшков был вынужден подолгу жить в Хантонове, своем имении, что находилось в Череповецком уезде Новгородской губернии, совершая оттуда наезды в Вологду, Москву и Петербург. Полуразвалившийся дом, птичий двор да сад — вот и все имение, доставлявшее много хлопот и огорчений. В деревенской глуши, где и словом не с кем перемолвиться, тоска и одиночество усиливались. «В доме у меня так тихо, собака дремлет у ног моих, глядя на огонь в печке; сестра в других комнатах перечитывает, я думаю, старые письма... Я сто раз брал книгу, и книга падала из рук. Мне не грустно, не скучно, а чувствую что-то необыкновенное, какую-то душевную пустоту...» — пишет он Гнедичу осенью 1809 года. В этом же письме читаем пророческие строки: «Если я проживу еще десять лет, то сойду с ума».

В жизни Батюшкова были близкие люди, в разные годы ободрившие его и приходившие ему на помощь: М. Н. Муравьев, А. Н. Оленин, Н. М. Карамзин, Н. И. Гнедич, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, А. И. Тургенев — яркие имена в истории отечественной культуры.

«Дружба была его кумиром»,— вспоминала о Батюшкове его знакомая Е. Г. Пушкина. Душа отзывчивая и нежная, Батюшков был окружен друзьями. Среди них особое место принадлежит Ивану Александровичу Петину, сослуживцу поэта по гвардейскому егерскому полку. «Души наши были сродни,— писал Батюшков,— одни пристрастия, одни наклонности, та же пылкость и та же

беспечность, которые составляли мой характер в первом периоде молодости, пленяли меня в моем товарище». У друзей все было общее: «и кошелек, и шалаш, и мысли, и надежды». И. А. Петин погиб на 26-м году жизни в «битве народов» под Лейпцигом. Стоя над свежей могилкой своего «милого товарища», Батюшков поклялся помнить его всю жизнь. Петин не успел прославить себя блестящим подвигом и тем заслужить право на бессмертие. Он просто честно исполнял свой долг, был «добрым сыном, верным другом, неустрашимым воином». Но «память сердца» Батюшкова сохранила для нас светлый образ этого молодого человека, которому поэт был обязан многими лучшими минутами своей жизни.

Близкие отношения сложились у Батюшкова с поэтом Николаем Ивановичем Гнедичем. Гнедич был человеком замкнутым, умеющим стойко переносить жизненные невзгоды. Он был постоянен в своих принципах и симпатиях, отличался исключительной работоспособностью и терпением. Как будто самой природой Гнедич был приготовлен для свершения главного дела своей жизни — перевода «Илиады» Гомера, которому было отдано двадцать лет упорного кропотливого труда.

В отличие от Гнедича Батюшков, увлекающийся, впечатлительный, неуравновешенный, постоянно нуждался в дружеской поддержке и участии. Судьба отвела Гнедичу, по выражению первого биографа Батюшкова Л. Н. Майкова, «роль дядьки» при поэте.

Разность характеров не мешала друзьям, каждый находил в товарище то, чего ему недоставало. В годовщину шестилетия их дружбы Батюшков со свойственной ему открытостью и сердечностью обратился к Гнедичу со словами: «Чем более живу, тем более люблю тебя; все, даже маловажные, происшествия связывают теснее союз дружества. Оно растет с годами, ибо мы гораздо более привязаны друг к другу теперь, нежели назад тому год и более».

Батюшков растворял «настежь обе двери» своего сердца, когда дело касалось дружбы и любви. Однако дружеские и любовные привязанности не могли избавить поэта от душевных переживаний, вызванных неустроенностью его личной жизни, которая ощущалась им как проявление общего неблагополучия современной русской действительности.

К пониманию этого неблагоприятия Батюшков подходил как художник. Он стремился осмыслить современность через традиционные литературные образы, знакомые поэтические ситуации. Среди излюбленных его образов были «несчастные счастливы». Так он называл великих поэтов человечества. Два имени были особенно дороги Батюшкову: «роком удрученный» скиталец Гомер, нищий, «но духом царь» («Гезиод и Омир — соперники»), и итальянский поэт эпохи Возрождения Тассо, гонимый, а перед самой смертью увенчанный лавровым венком («Умирающий Тасс»). Думал он и о ссыльном римском поэте Овидии («Вот предмет для элегии, счастливее самого Тасса»). На глазах Батюшкова разворачивалась трагедия популярного в те годы русского драматурга В. А. Озерова, потерявшего рассудок. В судьбе столь разных художников Батюшков видел нечто общее и близкое себе. Соотнося свое личное неблагоприятие с жизнью «несчастных счастливых», он приходил к выводу: такова участь поэта в обществе.

Действительно, судьба не была благосклонна к Батюшкову. В возрасте тридцати четырех лет он заболел неизлечимым душевным недугом. Поэту суждено было прожить еще столько же в состоянии полной изоляции от общества и литературы. «Меня уже нет на свете», — скажет Батюшков в один из моментов просветления сознания. Вторую печальную половину своей жизни больной поэт провел в родной Вологде в семье племянника, где и скончался в 1855 году. За эти три десятилетия многое изменилось. 14 декабря 1825 года вышли на Сенатскую площадь лучшие люди из дворян. Передовое общество пережило расправу над декабристами. Среди них был и Никита Муравьев, любимый троюродный брат Батюшкова. Юноша Пушкин, о судьбе которого тревожился Батюшков («Да спасут его музы и молитвы наши!»), стал гением русской поэзии. Свершился трагически блистательный творческий путь Лермонтова. Звучало по всей России гуманное слово Гоголя. Белинский развернул свою критическую деятельность, сплачивая прогрессивные литературные силы. Целая плеяда молодых писателей — Некрасов, Тургенев, Гончаров, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Толстой — вошла в русскую литературу, с тем чтобы прославить ее в будущем. Но все это оставалось за пределами померкшего сознания Батюшкова.

Не знал он даже и того, что за эти годы еще дважды выходили собрания его сочинений.

«Что говорить о стихах моих! — с горечью восклицал поэт. — Я похож на человека, который не дошел до цели своей, а нес он на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги. Поди узнай теперь, что в нем было!»

Первые дошедшие до нас стихи Батюшкова относятся к самому началу XIX века. Это было время, когда в литературе сохранялись еще традиции классицизма, связанные с именами А. П. Сумарокова, М. В. Ломоносова. Продолжал творить последний представитель классицизма, переросший его узкие рамки, Г. Р. Державин. Тон в поэзии, прозе и драматургии задавали сентименталисты во главе с Н. М. Карамзиным. Вместе с тем в русской литературе уже ощущались новые романтические веяния, которым принадлежало будущее.

В раннем своем творчестве Батюшков испытал воздействие как классицизма, так и сентиментализма. Учителем и наставником Батюшкова, его настоящим университетом был видный поэт-сентименталист конца XVIII — начала XIX века М. Н. Муравьев, приходившийся ему двоюродным дядей. «Я обязан ему всем», — благодарно вспоминал Батюшков. Но как подлинный талант он не стал энигоном ни классицистов, ни сентименталистов. С творчеством Батюшкова и Жуковского русская литература вступала в новый этап развития.

Предчувствуя необходимость обновления поэзии, Батюшков формулирует свое понимание ее сущности. В представлении о том, что поэзия требует «всей жизни и всех усилий душевных», что «надобно родиться для поэзии», не было чего-то особенно оригинального, отличного от понятий, которые уже сложились в эстетике к началу XIX века. И все же в словах «поэзия... требует всего человека» выражено его глубокое внутреннее убеждение. Независимость поэта от «ярма общественных мнений», искренность художника были для Батюшкова непременными условиями творчества. «Живи, как пишешь, и пиши, как живешь. <...> Иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы», — выводит Батюшков первое правило науки стихотворства. Он смело ставит поэта выше «политика, министра, генерала». Батюшков уверен, что поэт «имеет

во сто раз больше мыслей и воспоминаний», чем любая титулованная особа.

Уже в раннем творчестве Батюшков противопоставляет погоне за наградами и чинами свой идеал вольной жизни с подругой в «тихом уголке», «мирной хижине» или «простом шалаше», куда «не сыщется вовек дороги богатство с суетой». «Развратным счастливым», «надутым князьям» он предпочитает общество сердечных друзей, «врагов придворных уз».

Я людям вовек не льстил, не хвастал и собою,
Не лгал, не сплетничал, но чтил, что должно чтить,—
заявляет поэт. «Совесть чистая», «вольность — дар святых небес», любовь, «святое дружество», мечта как символ поэтического вдохновения — вот чем дорожит Батюшков. Свое жизненное кредо поэт формулирует твердо и решительно:

Я счастлив в моей беспечности,
Презираю гордость глупую,
Не хочу кумиру кланяться...
«К Филисе»

Именно сознание своей принадлежности к разряду служителей искусства наполняет Батюшкова чувством человеческого достоинства.

Поэт с полным правом мог сказать о себе: «Ни за кем не брожу. Иду своим путем». Определяя место и значение Батюшкова в истории русской литературы, Белинский назвал его «талантом сильным и самобытным», «неподражаемым творцом своей особенной поэзии на Руси».

С легкой руки критика за Батюшковым закрепилась слава «беспечного поэта-мечтателя, философа-эпикурейца, жреца любви, неги и наслаждения». Таким воспринимали его и современники. Лицест Пушкин в одном из посланий обратится к Батюшкову со словами:

Философ резвый и прит,
Парнасский счастливый ленивец,
Харит изнеженный любимец,
Наперсник милых аонид!
Почто на арфе златострунной
Умолкнул, радости певец?

Подобный взгляд на поэзию Батюшкова справедлив по отношению к его раннему творчеству.

«Хочу быть счастливым,— писал поэт.— Это желание внушила мне природа в пеленах». Молодой Батюшков исповедует в поэзии философию наслаждения земными радостями. Он был знаком с учением просветителей XVIII века. Человек — дитя природы, провозглашали они. Всеми поступками человека руководит желание блага для себя, потребность физического удовольствия. Эта потребность естественна, а потому законна, законна для каждого без исключения человека. Так, проповедуя культ наслаждения, философы-просветители утверждали идею внесловной ценности личности.

По мнению Батюшкова, естественное стремление человека к счастью, к наслаждениям нравственно. Ему хотелось показать красоту земного, не скованного религиозным ханжеством человека, красоту его земного бытия. Но оказалось, что такой человек не может быть изображен иначе, как только условно. Реальная, современная поэту действительность не способствовала выявлению здоровых и естественных начал в человеке. Поэтому Батюшков создает в своих стихах условный мир древности, в который помещает своего земного человека. Этот поэтический мир был навеян чтением античных авторов, привитой ему с детства любовью к классическим искусствам. Античность воспринималась поэтом как эпоха, когда был достигнут утраченный позже идеал гармонического единства человека и мира.

В «античных» стихах Батюшкова царит атмосфера праздника. Не только потому, что поэт нередко описывает непосредственно праздник («Веселый час», «Радость», «Вакханка»). «День радости» в поэзии Батюшкова — это демонстрация раскованности и свободы человека, подъема всех его эмоциональных сил, это торжество всепоглощающей страсти, буйство красок природы.

Лирический герой античных стихов Батюшкова молод, влюблен во все проявления бытия. Осознание скоротечности жизни обостряет его чувства:

Вы счастливо жить хотите
На заре весенних лет?
Отгоните призрак славы!
Для веселья и забавы

Сейте розы на пути;
Скажем юности: лети!
Жизнью дай лишь насладиться,
Полной чашей радость пить...

«Веселый час»

«Страстность составляет душу поэзии Батюшкова, а страстное упоение любви — ее пафос», — писал Белинский. Но, воспевая «пламенный восторг», поэт умел оставаться удивительно целомудренным. В чувстве его лирического героя много ласки и нежности. При всем земном характере этого чувства оно согрето теплом духовности.

«Вакханка» — одно из лучших античных стихотворений Батюшкова. Оно создано в 1815 году, но по сюжету и принципам изображения примыкает к более ранним произведениям. Поэт рисует полную грации и динамики картину погони героя за юной нимфой на фоне шумного и веселого празднества в честь Вакха. Образы стихотворения дают представление о том, что Белинский называл «скульптурностью» поэзии Батюшкова: «...хочется ощупать извивы и складки... мраморной драпировки». Но образы «Вакханки» не застывшие изваяния. Они подвижны, скорее, даже не скульптурны, а пластичны. Батюшков с изумительным искусством передает движение:

Я за ней — она бежала
Легче серны молодой.
Эвры волосы взвивали,
Перевитые плющом;
Нагло ризы поднимали
И свивали их клубком.

Хореический стих стремителен, легок, пропуски ударений в отдельных стопах ускоряют движение — вот-вот герой догонит свою красавицу.

Для изображения праздничного мира Батюшков выбирает особые слова, связанные самой литературной традицией с понятием прекрасного и поэтического. Золотой венец хмеля, багрец розы, пурпур винограда нужны поэту для создания ощущения торжественной праздничности, царственного величия страсти и красоты человека, охваченного ею.

Светлый, изящный мир древности, плоть от плоти земной человек, живущий в нем, — мечта, которую ут-

верждает Батюшков вопреки своим личным несчастьям и неудачам. Но это и проявление независимой позиции поэта, не желающего мириться с тем, что в современном ему обществе человек обречен на бесцветное прозябание. Существующему порядку вещей Батюшков противопоставляет свой идеал свободного человека, его право на радости бытия.

Поэзия Батюшкова сразу была понята современниками как «особенная». Она отличалась от поэзии, сотканной «из вздохов, охов, облаков, туманов, паров, теней и призраков» (Белинский), представителем которой для читателей той поры был Жуковский. И сам Батюшков осознавал свою непохожесть, когда в «Прогулке по Москве» (1810) критиковал поэтов за то, что они «проводят целые ночи на гробах и бедное человечество пугают привидениями, духами, страшным судом». Античная поэзия Батюшкова вносила в русскую лирику ноту бодрости, свежести, энергии. Это была молодая, мажорная поэзия. В поэтическом мирозерцании «античного» Батюшкова даже сама смерть не казалась ужасной. Она воспринималась как продолжение в загробном мире земной жизни, полной радости и наслаждения («Элизий»).

Влюбленность Батюшкова в античность не означала стремления уйти от реальной действительности, забыть прекрасным сном. Поэт принимал самое активное участие в литературном движении первых двух десятилетий XIX века. Собственно, начало известности Батюшкова положила сатира «Видение на берегах Леты» (1809). Не будучи напечатанной, она распространялась в списках в петербургских и московских кругах. Поэт включился в борьбу, которую вели представители «новой школы», сплотившиеся вокруг Н. М. Карамзина, со «староверами», эпигонами классицизма. Карамзинисты видели необходимость совершенствования литературного языка. «Староверы», объединившиеся в «Беседе любителей русского слова» во главе с А. С. Шишковым, ратовали за сохранение архаических языковых норм. Борьба литературных партий была следствием не только литературных разногласий. За ними стояли различные политические убеждения: желание одних продвинуть дело просвещения в России и стремление других воспрепятствовать этому, удержать косные, отжившие формы жизни.

В литературных боях своего времени Батюшков занял самостоятельную позицию. Он понимал ограниченность как сторонников исчерпавшего себя классицизма, так и неумелых подражателей Карамзина. Поэтому в его «Видении» достается не только «истинно варяго-росским» пишущим (кстати, Батюшков придумал для них специальное слово «славенофилы», использованное в дальнейших литературных полемиках). Объектом сатиры становятся и «уныло-бледные» приверженцы сентиментализма, смешные в своей чрезмерной чувствительности и слезливости. Ничто не спасает тех и других от забвения: их творения навсегда канули «в глубь туманных вод» Леты. Один лишь любимый Батюшковым Крылов не заботился о бессмертии. На суд к берегам реки забвения он явился запросто — «в широком шлафроке издранным, в пуху, с косматой головой, с салфеткой, с книгой под рукой». Но — «о чудо!» — его творения не потонули в Лете — «всплыли все». Так великий баснописец при жизни был возведен Батюшковым в ранг бессмертных поэтов.

За боевой дух своей поэзии Батюшков был избран членом дружеского литературного общества «Арзамас». Общество ставило перед собой цель сплотить силы для борьбы с реакционной «Беседой», которую арзамасцы между собой называли «Беседой губителей русского слова». В числе арзамасцев, либерально и оппозиционно настроенных, были многие друзья поэта — В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, В. Л. Пушкин, Д. В. Дашков, П. А. Вяземский. Членом «Арзамаса» стал и лицеист Пушкин. По существовавшей традиции Батюшков получил в обществе имя «Ахилл». Имя это, с одной стороны, было почетно, так как указывало на ведущую роль поэта в битвах со «славенофилами». С другой стороны, оно оказалось предметом шуток, породило известный в арзамасской среде каламбур: «Ахилл, ах, хил». Не в пример славному герою античности, Батюшков отнюдь не отличался богатырским сложением и к тому же часто болел.

К участию в «Арзамасе» Батюшков отнесся серьезно. Он хотел, чтобы арзамасцы перестали «ребячиться» и занялись бы полезным делом. Поэт мечтал о собственном журнале общества. Он даже начал готовить материал для первого номера предполагаемого журнала. В своих взглядах на цели и задачи литературного общества Батюшков смыкался с «левым крылом» «Арза-

маса» — Н. И. Тургеневым, М. Ф. Орловым, Н. М. Муравьевым, хотя и не разделял их политических убеждений. Поэт придерживался умеренно-либеральных взглядов и всю жизнь оставался противником революции. Но в своем желании принести пользу отечеству он был близок первым революционерам из дворян.

Сближал Батюшкова с будущими декабристами и пережитый патриотический подъем, вызванный Отечественной войной. 1812 год становится переломным для Батюшкова. Под воздействием исторических событий эпохи новые идеи, темы, образы входят в его поэзию и изменяют ее характер. «Я решился, и твердо решился отправиться в армию, куда и долг призывает, и рассудок, и сердце, сердце, лишенное покоя ужасными происшествиями нашего времени», — сообщает поэт П. А. Вяземскому. Чувства и настроения, владевшие Батюшковым в тот период, отразились в его знаменитом послании «К Дашкову». Стихотворение было написано под впечатлением трехкратного посещения разоренной, сожженной Москвы. Это одно из лучших произведений, посвященных Отечественной войне.

Мой друг! я видел море зла
И неба мстительного кары:
Врагов неистовых дела,
Войну и гибельны пожары.

С современниками говорил очевидец «ужасных происшествий». Отчаяние матерей с детьми на руках, толпы людей, «из милой родины изгнанных», оскверненные святыни «златоглавой» Москвы — все это картины безмерной трагедии русского народа, от которого не отделяет себя поэт. Сознание этой связи дает Батюшкову право выражать скорбные и высокие чувства, общие для всех. Причастность к народной беде заставляет поэта пересмотреть свои прежние эстетические принципы. Он понимает, что сейчас не время «петь любовь и радость, беспечность, счастье и покой», не время «сзывать пастушек в хоровод» на звуки мирной цевницы. В годину суровых для России испытаний певец беспечной радости осознает себя поэтом-гражданином. «При страшном зареве столицы» он произносит священную клятву:

Нет, нет! пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь, и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сомкнутым строем,—
Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды музы и хариты,
Венки, рукой любви свиты,
И радость шумная в вине!

Пройдет целое десятилетие, и поэт-декабрист Рылевска скажет в послании «К NN»:

Любовь никак нейдет на ум:
Увы! моя отчизна страждет,
Душа в волненье тяжких дум
Теперь одной свободы жаждет.

Такое гражданское послание могло появиться только после батюшковского «К Дашкову». Батюшков был одним из первых поэтов, который уравнивал в правах гражданское и личное, сделал общее предметом интимного и страстного переживания.

Причастность к великим историческим событиям, к самому историческому процессу приводила поэта к пониманию того, что человек не может замкнуться в мире своей мечты, какой бы прекрасной она ни была. Обнаруживались пока еще неясные, сложные связи человека с историей. С особой силой эта слиянность индивидуального «я» с общим «мы» проявилась во время Отечественной войны.

Новое понимание мира и человека в нем выразилось в стихотворениях Батюшкова, которые принято называть историческими или монументальными элегиями: «На развалинах замка в Швеции», «Переход через Рейн» и близкий к ним «отрывок» «Переход русских войск через Неман»... Уже не переживание личного, интимного порядка, как было в традиционной элегии, а переживание самой истории становится предметом элегии Батюшкова. История в ее главных событиях разворачивается перед мысленным взором лирического героя стихотворения «Переход через Рейн». «Рейн величавый» — «свидетель всех

времен»: он помнит битвы древних германцев с римлянами и победы Цезаря; на его берегах совершались рыцарские турниры и раздавались звуки «сладкой лиры» трубадуров; познал «родитель вод» «и стыд и плен» новоявленного Аттилы — Наполеона и, наконец, увидел освободителей, пришедших сюда «под знаменем Москвы».

Стеклись с морей, покрытых льдами,
От струй полуденных, от Каспия валов,
От волн Улеи и Байкала,
От Волги, Дона и Днепра,
От града нашего Петра,
С вершин Кавказа и Урала!..

Торжественно, одически звучат эти стихи. В бодрой, звонкой интонации стихотворения ощущаются молодая энергия и сила русских «богатырей», выражается чувство гордости военными победами России, отомстившей за свои поруганные «твердыни». Невольно вспоминаются другие строки:

Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..

Пушкин помнил стихотворения Батюшкова, когда работал над своим — «Кветникам России». На личном экземпляре «Опытов» рукою Пушкина о «Переходе через Рейн» было написано: «Лучшее стихотворение поэта — сильнейшее и более всех обдуманное».

Батюшкову удалось реализовать свое желание, о котором сообщал Жуковскому: «дать новое направление моей крохотной музе и область элегии расширить». Стремясь к отображению мира в его сложности и противоречиях, Батюшков обновлял традиционные жанры. Это было необходимо для дальнейшего развития русской поэзии.

Расширение исторического горизонта Батюшкова — поэта и воина, с одной стороны, обогащало его новым знанием жизни, а с другой — открывало ее жестокую изнанку. «Ужасные происшествия» времени, преступления французов в Москве и ее окрестностях «расстроили», как писал поэт, его «маленькую философию» и «поссорили» с человечеством. «Маленькая философия» наслаж-

дения радостями жизни, которую исповедовал Батюшков в годы своей молодости, не выдержала суровой проверки временем. Замкнутый мир человеческого бытия, упесные страсти перестали восприниматься поэтом как единственные жизненные ценности. Вместе с тем устанавливавшаяся в Европе отнюдь не героическая буржуазная действительность, которую наблюдал Батюшков во время заграничных походов, не могла предложить личности новых ценностей. Это рождало то состояние разочарования, неудовлетворенности, которое имел в виду поэт, когда говорил о своей «ссоре» с человечеством. О горькой утрате прежних идеалов сообщает Батюшков в одном из писем во время пребывания в Швеции, «где древле скандинавы любили честь, простые нравы, вино, войну и звук мечей». По своему обыкновению, он переходит в письме на более свойственный ему поэтический язык:

Но в нравах я нашел большую перемену:
Теперь полночные цари
Курят табак и гложут сухари,
Газету готскую читают
И, сидя под окном с супругами, зсвают.

Столкновение в этих стихах двух стилей — высокого («полночные цари») и просторечного, низкого («гложут сухари», «сидя под окном с супругами, зсвают») отражало слом в мировоззрении поэта, осознание им вопиющих противоречий жизни. В то же время нельзя не заметить, как предвосхищается здесь будущее пушкинское смешение «высокой поэзии» и «низкой прозы».

Для «послевоенного» Батюшкова «ссора» с человечеством была началом его душевного кризиса, который углубляется к 1815 году. Не только действительность, но и собственный духовный мир осознается поэтом как дисгармоничный. «В нем два человека,— размышляет о себе Батюшков в записной книжке,— один добр, прост, весел, услужлив, богобоязлив, откровенен до излишества, щедр, трезв, мил; другой человек... злой, коварный, завистливый, жадный, иногда корыстолюбивый, но редко; мрачный, угрюмый, прихотливый, недовольный, мстительный, лукавый, сластолюбивый до излишества, непостоянный в любви и честолюбивый во всех родах честолюбия. Оба человека живут в одном теле. ... Каким странным образом здесь два составляют одно, зло так тесно свя-

зано с добром?..» Поэт подчеркивает типичность своего состояния и переживаний словами: «странный человек, каких много». Так подготавливалось появление «странных» героев русской литературы. Один из них — лермонтовский Печорин — будет так же тщательно исследовать в журнале собственную раздвоенную душу, пытаюсь разобратся в себе самом.

Печатью душевного разлада отмечены многие произведения Батюшкова, созданные в период кризиса. Настроение разочарованности («все суетно в обители сует»), мысли о бренности всего земного, некогда столь ценимого поэтом, выражены в послании «К другу».

Поэт говорит в стихотворении о трагизме положения личности, потерявшей прежнюю опору в жизни и не обретшей новую, о ее одиночестве и неприкаянности в мире.

Как в воздухе перо кружится здесь и там,
Как в вихре тонкий прах летает,
Как судно без руля стремится по волнам
И вечно пристани не знает,—
Так ум мой посреди сомнений погибал...

Жизнь современного человека представляется Батюшкову вечным странничеством без смысла и цели (символический образ «судна без руля», не знающего пристани). Поэт и себя ощущал странником в мире. Ему тревожно не сиделось на месте. «Странствовал, приехал домой и опять немедленно пустился странствовать»,— сообщает Батюшков В. А. Пушкину, «милому старосте» арзамасскому. Поэт, вернувшийся в родное отечество с войны, как он говорил, «на горести», сравнивал собственную судьбу с судьбой многострадального Одиссея, который долгие годы, «блуждая, бедствуя, искал своей Итаки» («Судьба Одиссея»). С явным сочувствием Батюшков изображает злоключения, выпавшие на долю героя — «чудака», в сказке «Странствователь и домосед». Поэту близок его «странствователь», который бежит от тепла и уюта домашнего очага, но куда и зачем — неизвестно. «Охота к перемене мест» как следствие бесприютности человека в мире — один из самых романтических мотивов. И этот мотив входит в поэзию Батюшкова.

Лирический герой многих стихотворений «последнего» Батюшкова — «печальный странник», терзаемый сердечными ранами, с душой, «встревоженной мечтами».

Всюду с ним, в его скитаниях «из края в край» образ любимой — «образ милый, незабвенный». В кризисный для Батюшкова 1815 год были написаны его лучшие элегии — «Мой гений», «Разлука», «Таврида», «Пробуждение», «Элегия» («Я чувствую, мой дар в поэзии погас...»). Печальная, неразделенная любовь к Анне Федоровне Фурман вдохновляла поэта на создание этих стихотворений.

Юная русоволосая красавица, воспитывавшаяся в семье Олениных, привлекала к себе внимание. В младенчестве ее ласкал Державин. Гнедич, будучи наставником девушки в науках, говорят, был равнодушен к своей ученице. Бывая в доме близких ему людей, Батюшков заметил Анну Фурман и полюбил ее. Это было сильное чувство, долгое время владевшее Батюшковым («я три года мучился»). Поэт не смог вызвать в девушке взаимности. И хотя Оленины были готовы покровительствовать Батюшкову в его намерениях жениться на Анне Фурман, к этому побуждали поэта ближайшие друзья, он отказывается от желанного брака. Объясняя родным свой непонятный им поступок, Батюшков писал: «Не иметь отвращения и любить — большая разница. Кто любит, тот горд». Он утешал себя тем, что «вел себя в этом деле как честный человек», не желающий «насилловать чужое чувство». Деликатность и душевный такт, присущие Батюшкову, в полной мере проявились в его любовной драме.

«Я вполнину чувствовать не умею», — говорил о себе Батюшков. Это качество он передал своему лирическому герою.

Мир, славу, суеты протекшие и горе,
Всё, всё у ног твоих, как тяжкий сон, забыть!
Что в жизни без тебя?..

«Элегия»

Любовь наделяет героя особой чуткостью. Он замечает малейшие скрытые для постороннего глаза душевные движения любимой, понимает мучения девушки, не находящей в себе отклика на его чувства. В своем страдании он гуманен.

Я видел, я читал
В твоём молчании, в прерывном разговоре,

В твоём унылом взоре,
В сей таинной горести потупленных очей,
В улыбке и в самой веселости твоей
Следы сердечного терзанья...

Русская лирика ранее не умела с такой психологической глубиной раскрывать внутренний мир человека. Нужно было так усовершенствовать стих, чтобы он оказался способным передавать тончайшие нюансы душевного состояния личности. Нужна была огромная работа над языком, чтобы поэтическое слово зазвучало с искренней простотой и естественностью. Пушкинская «лелеющая душу гуманность» была подготовлена русской лирикой начала XIX века. Прикосновение к чистым родникам поэзии Батюшкова сыграло здесь не последнюю роль.

Мечты лирического героя о счастье с любимой в «хижине простой» вдали от «фортуны и честей» («Таврида») остались лишь мечтами. Они рушились при первом же столкновении с действительностью. Невозможность счастья осмыслялась поэтами-романтиками не как случайность, а как проявление смутно угадываемой несправедливой закономерности. Не все романтики понимали, что за этой закономерностью стояло социальное несовершенство мира, в котором личность была обречена на одиночество. Но многие это одиночество испытывали. Ощущал чувство сиротства и неприкаянности и Батюшков, отражая в поэзии смятенное сознание своего современника. Лирика поэта 1815—1821 годов с ее трагическим мироощущением вписывалась в контекст общеевропейского романтического искусства эпохи крушения феодализма и зарождения новых буржуазных отношений.

Приобретенный исторический опыт и опыт трагических блужданий в поисках истины во время кризиса позволили Батюшкову по-новому взглянуть на любимый им мир античности. Мир древности снова воскресает в его знаменитых антологических циклах — «Из греческой антологии» и «Подражания древним». По-прежнему это мир красоты. Герой циклов все тот же земной человек, страстно жаждущий полноты бытия, любви как непременного ее условия. Но теперь мир античности уже не светло спокоен. Он даже дисгармоничен: страсть воскрешает человека, но она же и пожирает его «жизнь младую» («Увы! глаза потухшие в слезах...»), юность ско-

ротечна, не вечна даже красота, и она становится добычей смерти («В обители ничтожества унылой...», «Когда в страдании девица отойдет...»). В русской поэзии это были первые попытки освоения мира в его диалектических противоречиях.

Без смерти жизнь не жизнь: и что она? Сосуд,
Где капля меду средь полыни...

Смерть осмыслялась поэтом уже по-иному, не так, как в молодости («Элизий»). Теперь она означает гибель человека и красоты без надежды на возрождение в загробном мире. В новой трактовке тема смерти сплетается с темой гибели античного мира, древней цивилизации («Где слава, где краса, источник зол твоих?..», «Ты пробуждаешься, о Байя, из гробницы...» — стихотворение, прирывающее к циклам).

Минорные интонации не являются, однако, преобладающими в антологических стихах. Каждый из циклов завершался стихотворением, воспевающим жизненную стойкость, отвагу человека в борьбе с опасностями.

Ты хочешь меду, сын? — так жала не страшись;
Венец победы? — смело к бою!
Ты перлов жаждешь? — так спустись
На дно, где крокодил зянет под водою.
Не бойся! Бог решит. Лишь смелым он отец,
Лишь смелым перлы, мед, иль гибель... иль венец.

Антологический стих требовал от поэта особого мастерства: умения афористично, сжато строить фразу, наполнять небольшое пространство лирического текста глубоким содержанием. Белинский называл Древнюю Грецию, ее классическое искусство, откуда идут традиции антологического стиха, «всемирной мастерской». Через эту мастерскую «должна была пройти всякая поэзия в мире, чтобы научиться быть изящною поэзиею». Батюшков был первым русским поэтом, «побывавшим в этой мировой студии мирового искусства». Успехи Батюшкова в антологическом жанре были блестящи. К его антологическим произведениям можно с полным правом отнести слова Белинского, сказанные им по поводу «Вакханки»: «Это еще не пушкинские стихи; но после них уже надо было ожидать не других каких-нибудь, а пушкинских...»

Лирика «послевоснного» Батюшкова свидетельствует о том, что он шел к вершинам своего художественного мастерства. Его поиски совпадали с основным направлением развития русской и западноевропейской поэзии. Об этом говорит интерес Батюшкова к творчеству великого романтика Байрона. В 1819 году Батюшков перевел отрывок из поэмы «Странствования Чайльд-Гарольда». «Есть наслаждение и в дикости лесов...» — первый в России перевод Байрона на русский язык. В затухающем сознании Батюшкова долго сохранялось имя английского поэта. Печальный документ последнего увлечения — письмо, написанное больным Батюшковым в 1826 году «лорду Байрону, в Англию» (английского поэта уже два года не было в живых). Письмо содержало убедительную просьбу прислать учителя английского языка: «желаю читать ваши произведения в подлиннике».

Приближающаяся болезнь, симптомы которой проявлялись в мании преследования, усиливала пессимизм Батюшкова. Могильным холодом, беспросветным отчаянием веет от последнего стихотворения поэта.

Ты знаешь, что изрек,
Прощаясь с жизнью, седой Мельхиседек?
Рабом родится человек,
Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной слез,
Страдал, рыдал, терпел, исчез.

Реквиемом, оплакивающим несбывшиеся надежды и стремления человеческие, звучат эти стихи.

Давая оценку творениям Батюшкова, Белинский с беспристрастной строгостью судьи констатировал: «Кто теперь читает их, кто восхищается ими? В них все принадлежит своему времени и почти ничего нет для нашего». К счастью, великий критик ошибся в своем суровом приговоре, как ошибся и сам Батюшков, полагая, что потомки не отыщут его имени в «лексиконе славы» русской литературы.

Современному читателю подчас не все понятно в стихах Батюшкова. Обилие мифологических, исторических имен и названий заставляет взять в руки словарь, заглянуть в примечания. Нужен определенный навык, чтобы

войти в мир поэзии «чудотворца» Батюшкова, чтобы услышать «звуки италианские» его стихов.

Обычно, определяя место Батюшкова в истории отечественной поэзии, ограничиваются указанием на то, что он был учителем Пушкина. Да, это действительно так, и «одной этой заслуги достаточно, чтоб имя его пронеслось... с любовью и уважением» (Белинский). Но творчество Батюшкова имеет и самостоятельное значение. Он сообщил поэтическому языку достоинство ясной простоты, а стих довел до гармонического совершенства. В его поэзии были заложены многие тенденции, заданы многие темы и образы, получившие развитие в творчестве последующих поэтов. И потому поэзия Батюшкова — живая, органическая часть русской литературы.

В период становления романтизма вместе с Жуковским, но, идя своим путем, Батюшков сделал поэзию способной выражать внутренний мир личности, выбитой из привычной жизненной колеи бурными событиями истории. В пору утраты прежних ориентиров и мучительных поисков новых поэт напомнил современникам о существовании идеала красивого, сильного человека, бесстрашного перед лицом неизвестности.

С отвагой на челе и с пламенем в крови

Я плыл, но с бурей вдруг предстала смерть ужасна.

О юный плаватель, сколь жизнь твоя прекрасна!

Верьйся челноку! плыви!

Не призывом ли, обращенным к современникам, звучали стихи поэта, столь актуальные в годы подъема декабристского движения? Не угадывается ли в волнах жизненного моря, по которому плывет отважный «плаватель» Батюшкова, будущий лермонтовский мятежный парус?

Трагически звучат многие строки Батюшкова. Но такова сила поэтического слова, что она заставляет нас воспринимать упоение радостью бытия как доминирующее настроение батюшковской поэзии. Воспевая красоту человека и его земного мира, поэт отстаивал и утверждал общечеловеческие духовные ценности, которые всегда, во все времена будут нужны людям.

С. ЕРМОЛЕНКО